ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2949-3242 (online)
ISSN 2618-9690 (print)

2026. Том 19. Выпуск 2 | 2026. Volume 19. Issue 2
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Юридический конфликт как антропологический и культурный феномен: диалектика правового бытия человека

Большаков Е. В., Панов А. А.

Аннотация. Цель исследования – разработка философско-антропологической концепции юридического конфликта, которая интерпретирует его не как патологию правовой системы, а как конструктивный источник развития правовой культуры и способ экзистенциальной самореализации человека в праве. В статье осуществляется выход за пределы позитивистских и чисто социологических трактовок права. Вскрываются антропологические основания юридического конфликта, коренящиеся в фундаментальной двойственности человеческого бытия – в неизбежном напряжении между сущим и должным, а также между формальной подчиненностью позитивному закону и моральным притязаниям на справедливость. Осуществлен синтез непозитивистской теории «притязания на правильность» Р. Алекси и отечественной диалектической традиции. Посредством введения категории «правовой импульс» обоснован диалектический механизм культурного развития права через триаду «старый правопорядок – юридический конфликт – правовое сотворчество и новая правовая реальность». Конфликт трактуется как «дыхание» правовой жизни, а его конструктивная форма – как центральное звено обновления нормативной ткани культуры. Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые представлена целостная философско-антропологическая модель, в которой юридический конфликт раскрыт как антропологически необходимый модус бытия человека в правовой культуре. Концептуально обоснована категория «правового импульса», описывающая преобразование деструктивной энергии противостояния в созидательную силу. Введен особый антропологический тип – «человек в конфликте с правом», который инициирует процесс правового сотворчества. Результаты исследования включают антропологически обоснованную парадигму юридической конфликтологии, преодолевающую ограниченность нормативизма; философскую типологию деструктивных и конструктивных юридических конфликтов; а также обоснование моделей правовой политики, ориентированной на культивирование конфликта как ресурса саморазвития права.

EN

Legal conflict as an anthropological and cultural phenomenon: the dialectics of human legal being

E. V. Bolshakov, A. A. Panov

Abstract. The study aims to develop a philosophical-anthropological concept of legal conflict, interpreting it not as a pathology of the legal system, but as a constructive source for the development of legal culture and a mode of existential self-realization for the individual within the law. The article moves beyond positivist and purely sociological interpretations of law. The work uncovers the anthropological foundations of legal conflict, rooted in the fundamental duality of human existence – the inevitable tension between the “is” (Sein) and the “ought” (Sollen), as well as between formal subordination to positive law and moral claims to justice. A synthesis of Robert Alexy’s non-positivist “claim to correctness” theory and the Russian dialectical tradition is performed. Through the introduction of the category “legal impulse”, a dialectical mechanism for the cultural development of law is substantiated via the triad: “old legal order – legal conflict – legal co-creation and a new legal reality”. Conflict is interpreted as the “breath” of legal life, and its constructive form is seen as the central link in the renewal of the normative fabric of culture. The scientific novelty lies in the first-time presentation of a holistic philosophical-anthropological model in which legal conflict is revealed as an anthropologically necessary mode of human being within legal culture. The category of “legal impulse”, describing the transformation of destructive energy into a creative force, is conceptually substantiated. A specific anthropological type – “man in conflict with the law” – is introduced as the initiator of the process of legal co-creation. The results include an anthropologically grounded

Научная статья (original research article) | **https://doi.org/10.30853/mns20260123**

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

paradigm of legal conflictology that overcomes the limitations of normativism; a philosophical typology of destructive and constructive legal conflicts; and a substantiation of legal policy models oriented toward cultivating conflict as a resource for the self-development of law.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что современная эпоха, отмеченная глубокими социальными трансформациями, мировоззренческой полифонией и нарастающей конфликтностью всех сфер общественной жизни, с особой остротой ставит вопрос о природе и предназначении юридических конфликтов. Главный философский вопрос: почему право, призванное быть универсальным средством гармонизации общественных отношений, само непрерывно порождает конфликты? Ответ на этот вопрос требует выхода за пределы позитивистской трактовки права как совокупности установленных государством норм и обращения к философской антропологии и философии культуры. Именно в человеке, в его фундаментальной двойственности как существа одновременно природного и духовного, индивидуального и социального, конечного и стремящегося к безусловным ценностям, следует искать подлинные корни юридического конфликта. Право в этом контексте предстает не как внешняя репрессивная сила, а как специфически человеческая форма бытия культуры, через которую человек упорядочивает свое социальное существование. И юридический конфликт, соответственно, должен быть понят не как отказ от этого порядка, а как его экзистенциальное испытание, как способ, которым правовая культура обновляет свои основания в ответ на запрос человеческого духа о справедливости.

Центральная проблема настоящего исследования может быть сформулирована так: каким образом юридический конфликт, воспринимаемый эмпирически как столкновение частных интересов или нормативных порядков, онтологически и антропологически связан с самим способом бытия человека в праве и каким образом эта связь определяет внутренний механизм культурного развития права?

Решение этой проблемы требует создания фундаментальной философской концепции юридического конфликта, в которой последний раскрывается не как патология, а как антропологическая и культурная необходимость – как диалектический источник действительности права.

В настоящем исследовании необходимо решить следующие задачи:

1) раскрыть антропологические основания юридического конфликта, проанализировав двойственность правового бытия человека (как субъекта права и как носителя морального долженствования);

2) интерпретировать «аргумент правильности» Р. Алекси как выражение фундаментальной антропологической потребности человека в справедливом миропорядке и показать его роль в генезисе конфликта;

3) исследовать юридический конфликт в контексте философии культуры как механизм снятия противоречий между действительностью права и его идеей, ведущий к порождению новых культурно-правовых форм;

4) на основе синтеза категорий «правовой импульс» и «правовое сотворчество» обосновать модель культурного развития права, движимого энергией юридических конфликтов.

Методологическим фундаментом работы выступает диалектический метод, понятый как способ раскрытия внутренней противоречивости исследуемых феноменов и их саморазвития через борьбу и системную интеграцию противоположностей. Диалектический подход дополнен аналитической философией права, а также элементами философской антропологии для раскрытия сущностных характеристик человека как субъекта правового конфликта. При этом основное внимание уделяется не биологическим или социально-психологическим аспектам, а экзистенциальной позиции человека, который, будучи включен в правовую культуру, вынужден перманентно разрешать антиномию между позитивным законом и собственным пониманием справедливого.

Теоретическая база исследования состоит в совокупности научных трудов, посвященных проблеме дуальной природы права (Алекси, 2010), а также изучению: действительности права (Алекси, 2011), систематики в антропологии (Гелен, 1988), структуры и динамики разрешения юридического конфликта (Иванова, 2023), а кроме того, проблеме определения юридического конфликта (Кудрявцев, 1996), сотрудничества и конфликтов в правовой жизни современного общества (Малько, 2022), обусловленности, содержанию и развитию юридических конфликтов (Миронов, Зин, 2024), проблематике ступеней органического и человека (Плеснер, 1988), сотрудничеству (сотворчеству) общества и государства в правотворческой деятельности (Самородов, 2022), юридического конфликта как разновидности социального конфликта (Сулейманов, 2022), социально-властному диалогу в правотворческой деятельности на основе идеи верховенства права (Трофимов, 2023), теоретико-правовой и динамической характеристике юридического конфликта в публичном праве (Туганбаев, 2025), положения человека в Космосе (Шелер, 1988).

Теоретическая значимость работы состоит в создании, антропологически обоснованной парадигмы юридической конфликтологии. Она преодолевает ограниченность как чисто нормативистских, так и социологических трактовок конфликта, помещая его в центр рассмотрения человека в его целостности – как правового субъекта, морального агента и творца культуры. Предложенная модель «правового импульса» вносит вклад в философию права, демонстрируя, каким образом человеческая экзистенция, с ее неизбежным бунтом против несправедливости, становится онтологическим источником развития самого права.

Результатами исследования является следующее:

1. Разработана философская антропологическая модель юридического конфликта, согласно которой он является не девиацией, а экзистенциально необходимым способом бытия человека в правовой культуре. Конфликт коренится в фундаментальной двойственности человека, который одновременно есть субъект права, обязанный

подчиняться позитивным нормам, и носитель морального долженствования, притязающий на справедливость этого подчинения.

2. Осуществлен синтез непозитивистской теории права Р. Алекси с российской диалектической школой, в результате которого обосновано, что «притязание на правильность» является антропологической константой, превращающей любой правовой акт в потенциальное поле конфликта, а сам конфликт – в необходимый момент подтверждения или опровержения действительности права.

3. Введено и раскрыто понятие «правового импульса» – культурного механизма преобразования деструктивной энергии юридического противостояния в созидательную силу, порождающую новые правовые институты и смыслы. Показано, что этот механизм действует через диалектическую триаду: старый правопорядок (тезис) – юридический конфликт (антитезис) – правовое сотворчество и новая правовая реальность (синтез).

4. Создана философская типология юридического конфликта, основанная на различении его деструктивной и конструктивной форм. Последняя характеризуется апелляцией к правовым ценностям и использованием правовых процедур, что помещает ее в центр механизма культурного обновления права. Установлено, что задача правовой политики – не в тотальном устранении конфликтов, а в их культивировании и переводе в конструктивное русло.

5. Определена ключевая роль «человека в конфликте с правом» как антропологического типа, выполняющего функцию «правового будильника» в культуре. Этот человек своей экзистенциальной позицией и юридическими действиями выявляет точки отчуждения права от морального сознания общества, запуская тем самым процесс правового сотворчества.

Практическая значимость заключается в том, что на основе разработанной концепции могут быть переосмыслены стратегии правовой политики и методы разрешения конфликтов. Если конфликт – это не «болезнь», а «дыхание» правовой культуры, то задача правоприменителя и медиатора состоит не в том, чтобы как можно скорее его «погасить», а в том, чтобы направить его энергию в русло конструктивного диалога и правового сотворчества. Это предполагает развитие «антропологически чувствительных» форм судопроизводства и альтернативных процедур, при которых стороны не просто обмениваются уступками, но совместно вырабатывают новое, более эффективное и жизнеспособное правило, в котором нуждается их общая жизненная ситуация.

Обсуждение и результаты

Проблема юридического конфликта в отечественной науке исследована достаточно глубоко, однако преимущественно в социолого-правовом и отраслевых аспектах. Классическими стали работы В. Н. Кудрявцева (1996, с. 76), в которых юридический конфликт рассматривается как разновидность конфликта социального, под которым обычно понимается противоборство двух или нескольких субъектов, обусловленное противоположностью (несовместимостью) их интересов, потребностей, систем ценностей или знаний. Тем самым выявляется двойственная природа юридического конфликта – как чисто правового и как имеющего социальные корни явления. В. Н. Кудрявцев отмечает: «Юридический конфликт определяется в работе как противоборство субъектов права в связи с применением, нарушением или толкованием правовых норм» (1996, с. 77). Значительный вклад внесен в изучение динамики конфликта и его разрешения (Иванова, 2023; Туганбаев, 2025), природы юридического конфликта, его черт и видов (Сулейманов, 2022). В последние годы активно развивается концепция «правовой жизни» А. В. Малько (2022), в рамках которой сотрудничество и конфликт предстают как парные категории, выражающие диалектику позитивного и негативного в юридической действительности.

Западная философия права, со своей стороны, предложила мощные теоретические модели для осмысления онтологии права, наиболее значимой среди которых для нашего исследования является «непозитивизм» Роберта Алекси (2010; 2011). В его трудах право предстает как дуальная система, имманентно связанная с притязанием на правильность (Алекси, 2010). Р. Алекси отмечает: «Тезис дуальной природы предполагает, что право необходимо включает как реальное, или фактическое, так и идеальное, или критическое, измерение. В определении права фактическое измерение представлено элементами официального происхождения и социальной эффективности, тогда как идеальное измерение находит свое выражение в элементе моральной правильности. Официальное происхождение и социальная эффективность – социальные факты. Если кто-либо утверждает, что только социальные факты могут определять то, что требуется и чего не требуется правом, это означает принятие позитивистской концепции права. Картина существенно меняется, как только моральная правильность добавляется в качестве необходимого третьего элемента. Возникает непозитивистская концепция права. Следовательно, тезис дуальной природы подразумевает непозитивизм» (2010, с. 138), – и добавляет: «…право с необходимостью предъявляет требование правильности, которое предполагает и притязание на моральную правильность. Это притязание на правильность является источником необходимого отношения между правом и моралью» (2010, с. 138).

Однако вопрос о том, как именно это притязание реализуется в живом опыте человека, в его экзистенциальном столкновении с правом, у Р. Алекси лишь намечен, но не развернут до масштабов целостной антропологической теории.

Точно так же и в российской традиции диалектика правовой жизни, блестяще описанная А. В. Малько (2022) и В. В. Трофимовым (2023), еще не получила своего антропологического обоснования, оставаясь по преимуществу социально-философской.

В рамках настоящего исследования необходимо провести строгое различие между понятиями «правовой конфликт» и «юридический конфликт», которые зачастую неоправданно отождествляются. Под правовым

конфликтом мы понимаем широкий класс нормативных противостояний, укорененных в любой системе социальной регуляции, включая обычное и религиозное право. Юридический конфликт есть исторически специфическая форма правового конфликта, возникающая в контексте позитивного права и характеризующаяся: а) формальной определенностью предмета спора; б) институционализированными процедурами разрешения и в) необходимостью рациональной аргументации на основе установленных государством норм.

Наш анализ сфокусирован именно на юридическом конфликте, поскольку только в его рамках антропологическое «притязание на правильность» обретает форму рационального дискурса и превращается в механизм рефлексивного культурного обновления права. В обычном праве конфликт, как правило, выполняет функцию консервации и адаптации традиции, в позитивном праве – функцию ее трансцендирования.

Таким образом, обычное право питается конфликтами иначе. Там механизм – не формально-институциональное сотворчество через суд или парламент, а прецендент, повторение, трансформация обычая через его интерпретацию старейшинами или общиной. Это тоже конфликт, но не юридический в строгом смысле, а правовой. Для обычного права конфликт – не столько момент диалектического взрыва, сколько момент подтверждения или плавной модификации традиционного уклада.

Чтобы понять природу юридического конфликта, необходимо обратиться к самому человеку, к его фундаментальной конституции. Философская антропология определила человека как существо, способное занимать позицию по отношению к самому себе и миру, как «вечного протестанта» против действительности, данной лишь в ее фактичности. В человеке всегда присутствует разрыв между сущим и должным, между потребностью и ценностью, и этот разрыв делает его существование не просто биологическим процессом, а экзистенциональной драмой. Право, будучи одной из величайших культурных форм, призванной упорядочить совместную жизнь людей, одновременно и смягчает, и обостряет эту драму. С одной стороны, право наделяет человека статусом субъекта, гарантирует ему определенную меру свободы и защищенности. С другой стороны, именно в праве человек особенно остро переживает отчуждение – закон, созданный для его блага, часто воспринимается как внешняя, безличная сила, повелевающая и ограничивающая. Эта двойственность лежит в основании любого юридического конфликта. Конфликт возникает не тогда, когда человек просто нарушает закон (это скорее поведенческий акт, который может и не иметь юридического характера как противоборства), а тогда, когда он оспаривает закон, противопоставляя формальной действительности свою правду – будь то личное убеждение, моральное чувство или ссылка на неписанный, высший закон.

Философско-антропологический подход в нашем исследовании опирается на традицию, идущую от М. Шелера (1988) и Х. Плеснера (1988), трактующую человека не как статичный субъект, а как процессуальное единство тела, души и духа, конституирующее себя через акты трансцендирования наличного бытия. Способность человека к эксцентрической позициональности (Плеснер, 1988) означает, что он не просто живет в праве, но способен проблематизировать сам принцип своего правового существования. Именно эта способность лежит в основании юридического конфликта как экзистенциального феномена. Далее, в настоящем исследовании мы развиваем идеи А. Гелена (1988) о социальных институтах как компенсаторных механизмах «недостаточного существа». Как отмечает А. М. Руткевич: «Основной послевоенный труд Гелена “Первочеловек и поздняя культура” представляет собой социологическую теорию или “философию институтов”. Основная идея этой книги состоит в том, что для стабильности человеческой психики, для самосохранения человека вообще ему необходимы социальные институты» (2001, с. 5). А. Гелен пишет: «…мы рассмотрели действия человека как способы самосохранения существа с определенными соматическими характеристиками. Теперь звенья нашего взгляда разъясняются друг через друга: перед нами – недостаточное в отношении органов существо, лишенное в большой степени надежных инстинктов, предоставленное неопределенной полноте открытого мира, не редуцированного и даже частично не приглушенного приспосабливанием. Только предусмотрительное, деятельное изменение этого мира в мир, пригодный для жизни, сделает возможным само существование этого существа» (1988, с. 175-176).

Отказ признавать правом крайне несправедливый закон – это не просто моральная оценка, а антропологическая необходимость для человека, включенного в правовую культуру. Р. Алекси пишет: «Предоставить позитивности исключительный характер, к чему, например, склонялся Кант, означало бы недооценивать тот факт, что притязание на содержательную правильность – а это прежде всего притязание на справедливость – не исчезает и после институционализации права. Оно продолжает жить как вне права, так и внутри него» (2010, с. 145). Р. Алекси (2010) указывает на то, что нужно различать два уровня правильности. Правильность первого порядка, относящаяся только к идеальному измерению, касается справедливости как таковой. Правильность второго порядка, которая более разносторонняя, относится и к идеальному, и к реальному измерению. Это означает, что правильность второго порядка касается как справедливости, так и юридической определенности. Однако юридическая определенность может быть достигнута только посредством позитивности. Таким образом, притязание на правильность требования второго порядка необходимо связывает и принцип справедливости, и принцип юридической определенности с правом (Алекси, 2010, с. 145-146). Сказать «это хоть и закон, но неправо» – значит констатировать распад своего человеческого бытия на две несовместимые ипостаси: ипостась подданного, обязанного подчиняться, и ипостась духовного существа, не могущего признать «правильность» данного порядка. Юридический конфликт, таким образом, укоренен в самой антропологической структуре человека как существа, которое не просто живет по правилам, но осмысляет их, неизбежно предъявляя им требование справедливости.

Центральной категорией, связывающей антропологию и философию права, как было показано выше, является «притязание на правильность», разработанное Р. Алекси (2011). Роберт Алекси (2011, с. 157-161) определяет право как систему норм, которая: 1) содержит в себе притязание на правильность; 2) состоит из совокупности норм, которые принадлежат в общем и целом к социально действенной конституции и не являются крайне несправедливыми, а также из совокупности установленных в соответствии с этой конституцией норм, которые обладают определенным минимумом социальной действенности или потенциальной возможности такой действенности и не являются крайне несправедливыми; и, наконец, 3) включает в себя принципы и иные нормативные аргументы, на которых основывается и/или должна основываться процедура правоприменения, чтобы соответствовать притязанию на правильность. Право не просто регулирует поведение угрозой санкций, оно всегда говорит с человеком на языке должного, апеллируя к его способности суждения и признания. С точки зрения философской антропологии, притязание на правильность есть не что иное, как выражение фундаментальной человеческой потребности в справедливости, в осмысленном и нравственно обоснованном миропорядке. Как отмечают В. О. Миронов и Н. В. Зин: «Противоборство сторон юридического конфликта сопряжено и с присущими им морально-нравственными устремлениями, субъективизмом в осознании противостояния» (2024, с. 123). Человек нуждается в институтах, которые бы снимали с него бремя постоянного выбора, давали бы гарантии и предсказуемость. Однако, в отличие от животного, руководствующегося инстинктами, человек не может просто следовать правилам – он должен признать их легитимность. Это признание как раз и обеспечивается имплицитно содержащимся в праве притязанием на правильность. Когда же это притязание оказывается фиктивным, когда закон воспринимается как голое насилие, антропологическая основа подчинения разрушается. Человек уже не может сохранять целостность своего бытия просто исполняя предписания, он оказывается перед выбором – либо внутренне сломаться, признав свое положение, либо вступить в конфликт, отстаивая свое право на осмысленную жизнь в праве.

В культурном измерении притязание на правильность выполняет роль динамического императива. Именно оно не дает правовой системе застыть в самодовольной статике. Культура, в отличие от мертвого механизма, существует только через постоянное переосмысление и обновление своих оснований. Притязание на правильность, встроенное в структуру правовой коммуникации, и есть тот канал, по которому в право поступает живая этическая энергия культуры. Юридический конфликт в этом смысле – момент, когда это притязание, до поры скрытое в рутинном функционировании институтов, вырывается наружу, требуя пересмотра несостоятельного правового управления. Следовательно, конфликт есть не только антропологическая неизбежность, но и культурная функция.

Наиболее плодотворной для философско-культурологического анализа юридического конфликта является концепция «правовой жизни», развитая А. В. Малько (2022), и его учение о сотрудничестве и конфликте как парных категориях. А. В. Малько убедительно показывает, что эти два модуса взаимодействия не просто сосуществуют, но находятся в постоянном диалектическом напряжении: «…всякое сотрудничество, будучи положительным типом взаимодействия, содержит, наряду с основным позитивом, связанным с партнерством, солидарностью, совместной деятельностью по удовлетворению общих интересов, еще и такой дополнительный элемент, как, например, конструктивное соперничество, включающее в себя некие конфликтные моменты, в рамках которого те или иные участники сотрудничества могут пожертвовать удовлетворением своих интересов, признавая приоритет за общими интересами партнеров» (2022, с. 27), – и далее: «Всякий же конфликт, как отрицательный тип взаимодействия, содержит, наряду с основным негативом, связанным с противоборством интересов субъектов права, соперничеством, сопряженным подчас с агрессией, с насилием в отношении контрсубъектов, еще и такой дополнительный элемент, как возможный компромисс» (2022, с. 27). Эта модель точно описывает культурный ритм развития права.

Право как культурная форма не может существовать только в модусе сотрудничества – это привело бы к его окостенению и превращению в традицию, не способную отвечать на меняющиеся человеческие потребности. Точно так же оно не может существовать и только в модусе конфликта – это означало бы его самоуничтожение как системы порядка. Живая правовая культура есть непрестанное чередование этих состояний, в котором конфликт выполняет роль «культурного вдоха» – вбирает в себя проблему, противоречие, напряжение, – а сотрудничество выполняет роль «культурного выдоха» – закрепляет достигнутое решение в новых нормах, институтах и смыслах. Так обеспечивается подлинная действительность права, понимаемая не как застывшая данность, а как длящееся культурное свершение.

Философско-культурологический анализ требует рассматривать юридический конфликт не как изолированный казус, но как форму объективации правовой культуры, в которой последняя осуществляет рефлексию над собственными основаниями. С позиции философии символических форм право есть один из способов, которым дух придает бытию нормативную связанность. Однако нормативная связанность никогда не дана как завершенная, она всегда проблематична, поскольку имеет дело с принципиально открытой, процессуальной природой человеческого существования. Юридический конфликт в этом контексте есть культурный механизм распредмечивания и опредмечивания правовых смыслов.

Право, понятое как культура, живет не в статике кодексов, а в динамике своего истолкования и применения. Норма «мертва» до тех пор, пока она не актуализирована в конкретной жизненной ситуации. Однако любая актуализация сопряжена с риском конфликта, поскольку жизненный мир всегда богаче и противоречивее любой нормы. Человек, вступающий в правовое отношение, всегда привносит в него свою экзистенциальную уникальность, свой этос и свое представление о справедливом. Когда эти представления сталкиваются с формальной

определенностью позитивного установления, возникает культурный разрыв – зазор между «ставшей» формой культуры (законом) и «становящейся» формой культуры (живым правосознанием). Юридический конфликт и есть форма манифестации этого разрыва, его выведение на поверхность общественной жизни.

С точки зрения исторической темпоральности, юридический конфликт выполняет функцию, аналогичную той, что в искусстве выполняет авангардный жест, а в науке – парадигмальный сдвиг. Это событие, прерывающее гомогенное течение правового времени. Правовая повседневность функционирует в режиме «вечного настоящего» – презумпции того, что действующие нормы адекватны и легитимны. Конфликт взламывает это настоящее, актуализируя прошлое (спор о том, какой смысл изначально вкладывался в норму) и будущее (спор о том, каким право должно стать). В этом темпоральном напряжении право обретает свою историчность: оно перестает быть вневременной догмой и обнаруживает себя как проект, открытый для пересмотра.

Особого внимания заслуживает символическая природа юридического конфликта. Всякий развитый юридический конфликт есть не просто борьба за ресурс или статус, но борьба за означивание. Стороны конфликта спорят не только о фактах, но и об их юридической квалификации, то есть о том, под знак какой нормы следует подвести данную ситуацию. За каждым крупным юридическим спором стоит конфликт интерпретаций, столкновение различных «картин мира» в правовой оболочке. Так, спор о границах свободы слова есть одновременно спор о том, что несут в себе «достоинство», «общественная безопасность» и «благо», – то есть о предельных культурных ценностях. Юридический конфликт тем самым есть семиотическая лаборатория культуры, в которой вырабатываются новые правовые значения и переопределяются старые.

В культурной морфологии права можно выделить три типа конфликтных форм, различающихся по степени их конструктивности и роли в развитии правовой культуры.

Во-первых, архаический (ритуальный) конфликт, который характерен для ранних стадий культурного развития права, где спор разрешается через поединок, ордалию или жестко формализованный обряд. Здесь конфликт еще не стал рефлексивным, он вписан в мифологический круговорот и служит не столько обновлению права, сколько подтверждению космического порядка. Тем не менее даже здесь закладывается фундаментальная культурная функция конфликта – быть формой, в которой сообщество переживает и изживает нормативное напряжение.

Во-вторых, классический (институциональный) конфликт. Это конфликт зрелого права, протекающий в формах иска, судебного процесса, парламентских дебатов. Его культурная миссия – в рационализации противоречий и их переводе в плоскость формально-юридической аргументации. Институты правосудия в этой парадигме суть не просто «машины по разрешению споров», но культурные формы легитимации изменений: они обеспечивают, чтобы победа новой интерпретации права воспринималась не как произвол, а как раскрытие глубинного содержания самого права.

В-третьих, это рефлексивный конфликт, который связан с эпохой «текучей современности» и кризисом классических кодификаций. Здесь конфликт часто возникает не по поводу толкования конкретной нормы, а по поводу самих принципов правового регулирования (например, конфликты вокруг прав будущих поколений, цифровых прав, биоэтики). Такой конфликт носит откровенно правотворческий характер – его участники осознают себя не столько правоприменителями, сколько соавторами нового правового универсума. Культурная функция этого типа конфликта – в проектировании будущего права.

Именно в этой перспективе следует понимать нашу концепцию «правового сотворчества». В отличие от чисто процедурного взгляда, авторы усматривают в сотворчестве не технологию урегулирования, а культурный императив современной правовой эпохи. Если в классической модели право творилось сувереном и затем «спускалось» обществу, которое могло лишь принимать или бунтовать, то в рефлексивной модели конфликт становится легитимным каналом обратной связи, формой участия в нормотворчестве. Конфликт перестает быть «сбоем», он становится нормальным модусом бытия права в демократической культуре. Это позволяет поновому определить саму сущность правовой культуры. Правовая культура – это не просто совокупность знаний о праве и не степень соблюдения законов. Это исторически сложившаяся способность общества к символическому удержанию и продуктивному разрешению нормативных противоречий. С этой точки зрения, уровень развития правовой культуры общества прямо пропорционален не бесконфликтности, а способности общества извлекать из конфликтов правовые смыслы, не разрушаясь и не впадая в насилие. Культура права зиждется на том, что мы назвали культивированием конфликта – созданием таких институциональных и ментальных условий, при которых столкновение правовых позиций становится источником развития, а не аннигиляции правопорядка.

Следовательно, юридический конфликт как культурный феномен – это медиум, в котором право встречается с собственной недостаточностью и через эту встречу выходит на новый уровень конкретности. Это – «осевое время» правовой культуры, момент ее интенсивного самосознания, когда под вопросом оказывается не отдельная норма, а сам способ, которым право соотносит сущее и должное. В этой точке антропологическое измерение (человек, требующий правильности) и культурное измерение (право, обновляющее свои формы) сливаются в единый диалектический процесс, анализ которого и составляет ядро концепции, предлагаемой авторами настоящей статьи.

Наша антропологическая модель позволяет сделать вывод о том, что конструктивные конфликты должны быть не просто допущены, но и обеспечены адекватными процедурными формами (публичные слушания, правотворческий диалог, референдум и т. п.). Иными словами, задача государства и общества состоит в том, чтобы культивировать конфликт, переводить его из стихийного русла в цивилизованное русло правового сотворчества.

Предложенная концепция позволяет по-новому взглянуть на фигуру человека, вступающего в юридический конфликт. Традиционное правоведение видит в нем либо правонарушителя, либо недовольного истца. Однако с антропологической точки зрения в этом акте часто проявляет себя особый тип – «человек, оспаривающий право». Он может быть бунтарем, но этот бунт направлен не против права как такового, а против неправового в праве. Его мотивом часто выступает не эгоистический интерес (или не только он), а то, что Р. Алекси (2011) назвал бы «притязанием на правильность», пережитым с экзистенциальной остротой. Таким образом, выявляется разрыв между должным и сущим в праве и запускается процесс культурного обновления. Стороны конфликта выступают как соавторы новой правовой реальности, нового порядка. Такой подход становится возможным потому, что в основе конфликта зачастую лежит не просто столкновение интересов, а столкновение различных представлений о правильном правопорядке, то есть столкновение культурных и правовых идей, носителями которых являются люди.

Таким образом, «человек в конфликте с правом» предстает не как непримиримый антагонист правопорядка, а как необходимый элемент культурного механизма саморазвития права. Его правовая и моральная интуиция, его неспособность мириться с несправедливостью есть антропологический ресурс, питающий правовую жизнь. Признание этого факта требует от правовой системы не только карательных механизмов, но и развитых форм восприятия конструктивной критики, которые в российской науке разрабатываются в рамках концепции «правового сотворчества» (Трофимов, 2023; Самородов, 2022).

Центральным понятием предлагаемой концепции является правовой импульс. Это категория, описывающая процесс преобразования социальной, психологической и моральной энергии, высвобождаемой в юридическом конфликте, в созидательную силу, модифицирующую правовую реальность. Подобно тому, как в физике столкновение частиц рождает новые элементы, так и в правовой культуре столкновение субъектов, норм и ценностей может при определенных условиях производить новые правовые институты, принципы и смыслы.

Механизм действия правового импульса является диалектическим. На первом этапе (тезис) существует устоявшийся правопорядок, который перестает удовлетворять притязанию на правильность со стороны определенных социальных групп или индивидов. На втором этапе (антитезис) это недовольство перерастает в открытый юридический конфликт – иск, акцию протеста, конституционный спор и т. д. На этом этапе старая норма подвергается отрицанию, ее действительность ставится под вопрос. И здесь решающее значение имеет то, в какую культурную форму облекается это отрицание. Если оно протекает исключительно в форме насилия, не апеллирующего к правовым ценностям, то правовой импульс оказывается слабым или разрушительным, он не порождает нового права, а лишь разрушает старое. Если же конфликт ведется на языке права, с использованием правовой аргументации и процедур, то его энергия канализируется в созидательное русло. Тогда наступает третий этап (синтез) – разрешение конфликта, которое является не просто прекращением противостояния, а созданием нового правового бытия. Как точно замечает М. А. Туганбаев, «разрешение юридического конфликта достигается в процессе тщательного анализа источников противоречий и содержания спора и дает возможность установить новые отношения уравновешенных интересов» (2025, с. 198). Именно в этот момент рождается новая действительность права – уже не та, что была до конфликта, и не та, о которой мечтали противоборствующие стороны по отдельности, а третья, синтетическая, обогащенная опытом пережитого противоречия. Эта новая действительность обладает гораздо большей степенью легитимности и культурной укорененности, чем изначальная норма. В. В. Трофимов (2023) концептуально обосновал, что высшей формой такого синтеза является правовое сотворчество – институционально оформленный диалог власти и общества, в котором последнее выступает не пассивным объектом регулирования, а соавтором законов. В. В. Трофимов пишет: «Общество, становясь соавтором законов, меняет отношение к этим законам, воспринимая их как продукт совместного творчества государства и общества (правового сотворчества власти и общества), так же как и государство осознает ценность принятых таким образом законов, обеспечивая демократическими правовыми средствами их осуществление в общественной практике» (2023, с. 5).

С позиций нашей антропологической модели правовое сотворчество есть институциональная форма, специально предназначенная для улавливания, накопления и применения правовых импульсов во множестве локальных конфликтов. Правовое сотворчество переводит деструктивную энергию перманентных противоречий в культурный ресурс, обеспечивающий плавное, но постоянное обновление правовой системы без катастрофических сломов.

Таким образом, юридический конфликт в полной мере раскрывает свой смысл только в масштабе исторического времени и культурного развития. История права – это история не только прогрессивного расширения каталога прав и свобод, но и история великих юридических конфликтов, в горниле которых рождались новые правовые эпохи. То же самое можно сказать и о многих социально-экономических противоречиях, экологических спорах и т. д. Каждый раз, когда люди, столкнувшись с несправедливым, по их мнению, административным актом, проходят путь от бытового недовольства до судебного иска, публичных слушаний или законодательной инициативы, они участвуют в культурном процессе обновления права. Юридический конфликт тем самым выполняет высокую культурную миссию – он является той лабораторией, в которой абстрактные принципы справедливости проходят проверку живой жизнью и воплощаются в конкретные, эффективные правовые формы.

Заключение

Проведенное исследование позволяет представить следующие научные выводы:

1. В философско-антропологическом измерении юридический конфликт есть экзистенциальный акт трансцендирования человеком своего формально-правового статуса. Это не просто спор о субъективных правах,

а способ, которым человеческий дух, взятый в модусе «эксцентрической позициональности», проблематизирует разрыв между сущим и должным в ткани самого позитивного закона. Субъект права в таком конфликте действует не как функционер роли, но как целостная личность, для которой притязание на моральную правильность нормативного порядка становится условием сохранения внутренней идентичности. Сущность конфликта здесь – в защите человеком своего бытия в праве от редукций к голой фактичности принудительного установления. Конфликт манифестирует неспособность субъекта к безусловному «признанию» института, лишенного справедливого основания, и в этом смысле выступает как антропологическая неизбежность: до тех пор, пока право апеллирует к человеку как к ответственному вменяемому существу, оно не может запретить ему обратную апелляцию к идее правильности. Тем самым юридический конфликт раскрывается как антропологический модус конституирования самой правосубъектности – через противодействие не праву человек вновь утверждает себя в качестве носителя и творца правопорядка.

2. В философско-культурологическом ключе юридический конфликт предстает как семиотический и нормативный механизм самокоррекции и темпорального обновления правовой культуры. Это процессуальная форма, в которой ставшая, овеществленная в кодексах знаково-символическая система (старый правопорядок) подвергается «распредмечиванию» в процессе столкновения с нестандартной жизненной ситуацией и через акт напряженного диалога-противоборства заново «опредмечивается» в новой, более сложной нормативной конфигурации. Культурная миссия юридического конфликта заключается в улавливании и преобразовании социальной энтропии в «правовой импульс» – энергию созидания новых смыслов и институтов. Это событие взламывает гомогенную темпоральность юридического настоящего, актуализируя прошлые (нереализованные) и будущие (проективные) смыслы права, заставляя правовую культуру выйти из статики в режим рефлексивного самосознания. Юридический конфликт есть неотчуждаемый элемент «правовой жизни» как подлинного культурного свершения: в нем право осуществляет переход от формальной действительности к содержательной действительности, проходя проверку на прочность своих ценностных оснований.

3. Обоснованная в исследовании модель требует смены парадигмы правовой политики с «конфликтоподавления» на «конфликтообеспечение». Если в архаических и классических правовых системах конфликт мог восприниматься как ритуальная жертва или дисфункция машины правосудия, то в рефлексивной современности он должен быть осмыслен как культурный ресурс. Это предполагает не поощрение правового нигилизма, но создание институциональных каналов перевода конфликта в цивилизованное русло правового сотворчества, где стороны выступают соавторами нового порядка. Конструктивность конфликта измеряется не скоростью его «тушения», а его способностью генерировать правовой импульс, обогащающий юридический инструментарий общества более уточненными форматами справедливости.

4. В конфликте право парадоксальным образом достигает своей подлинной действительности: оно перестает быть внешней устаревшей формой и обнаруживает себя как длящееся человеческое предприятие, пронизанное моральными притязаниями. Человек, вступающий в юридический спор с несправедливым законом, исполняет миссию «правового корректора» культуры, а сам конфликт становится диалектическим моментом истины позитивного права – тем горнилом, в котором абстрактная идея справедливости обретает плоть конкретной и жизнеспособной нормы. Позитивное право, лишенное внутреннего импульса конфликтности, обречено на культурное окостенение; право, культивирующее его в диалоговых формах, – на историческое развитие и антропологическую состоятельность.

Сделанные в данном исследовании выводы создают философский фундамент для становления нового направления в юридической конфликтологии – антропологически ориентированной философии правового конфликта. Удалось преодолеть разрыв между абстрактной философией права, изучающей сущность нормы и ее действительность, и прикладной конфликтологией, изучающей техники разрешения споров, соединив их через обращение к человеку как к главному действующему лицу правовой драмы.

Представленные в данной работе выводы могут быть использованы в процессе правотворчества и правоприменения. Понимание продуктивной природы конфликта требует от администраторов и законодателей не страха перед конфликтом, а готовности к диалогу и соавторству с обществом. Это предполагает расширение практик публичных слушаний, медиации, апробации законов и иных форм, позволяющих направить правовой импульс в цивилизованное русло, укрепляя тем самым реальную, а не формальную действительность права.

Разработанная философская антропологическая модель юридического конфликта открывает широкое поле для будущих научных изысканий, наиболее значимыми из которых являются следующие. Во-первых, это эмпирическая верификация модели «правового импульса» на материале конкретных исторических и современных кейсов, включая исследование того, при каких условиях конфликты становятся источниками значимых правовых реформ. Во-вторых, исследование роли правосознания как культурного феномена, опосредующего превращение субъективного чувства несправедливости в юридический конфликт и обратное влияние конфликта на формирование правосознания. В-третьих, компаративные исследования различных правовых культур на предмет того, какие формы юридического конфликта в них преобладают (конструктивные или деструктивные), и какие институты наиболее эффективно преобразуют конфликтную энергию в правовое сотворчество. В-четвертых, философско-педагогическая разработка проблем формирования «человека в праве» – субъекта, обладающего не только знаниями о законах, но и культурой поведения в конфликте, способностью к правовой аргументации и конструктивному диалогу.

Таким образом, представленная концепция не просто описывает юридический конфликт, но и обосновывает его высокое культурное призвание – быть движущей силой развития права и одухотворения правовой жизни. Именно через конфликт право перестает быть просто механизмом принуждения и становится подлинным измерением человеческого бытия, в котором человек может отстаивать справедливость.

Источники | References

1. Алекси Р. Дуальная природа права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 2 (289).
2. Алекси Р. Понятие и действительность права: (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. А. Н. Лаптев, при участии Ф. Кальшойера. М. – Берлин: Инфотропик Медиа, 2011.
3. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: сборник. Переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988.
4. Иванова Я. С. Юридический конфликт: структура и динамика разрешения // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 2.
5. Кудрявцев В. Н. Юридическая конфликтология // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 1.
6. Малько А. В. Использование диалектической логики в исследовании сотрудничества и конфликтов в правовой жизни современного общества // Государственно-правовые исследования. 2022. № 5.
7. Миронов В. О., Зин Н. В. Обусловленность, содержание и развитие юридических конфликтов // Право и государство: теория и практика. 2024. № 7 (235).
8. Плеснер Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию // Проблема человека в западной философии: сборник переводов с английского, немецкого и французского / сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988.
9. Руткевич А. М. Теория институтов А. Гелена // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2.
10. Самородов В. Ю. Сотрудничество (сотворчество) общества и государства в правотворческой деятельности как проявление культуры ее осуществления: теоретико- и социолого-правовой аспекты // Государственно-правовые исследования. 2022. № 5.
11. Сулейманов Б. Б. Юридический конфликт как разновидность социального конфликта (некоторые вопросы теории и методологии) // Государственно-правовые исследования. 2022. № 5.
12. Трофимов В. В. Идея верховенства права в государстве и социально-властный диалог в правотворческой плоскости как фактор ее осуществления // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 2. https://doi.org/10.33184/pravgos-2023.2.1
13. Туганбаев М. А. Юридический конфликт в публичном праве: теоретико-правовая и динамическая характеристика // Ленинградский юридический журнал. 2025. № 1 (79). https://doi.org/10.35231/18136230_2025_1_198
14. Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии: сборник. Переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988.

Информация об авторах | Author information

RU

Большаков Евгений Владимирович[1], к. филос. н.
Панов Алексей Александрович[2]
[1] Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
[2] Областная туберкулезная больница управления Федеральной службы исполнения наказаний по Самарской области, г. Самара

EN

Evgeny Vladimirovich Bolshakov[1]
Alexey Alexandrovich Panov[2]
[1] Lugansk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
[2] Regional Tuberculosis Hospital of the Federal Penitentiary Service of the Samara Region, Samara

[1] *relativus@mail.ru,* [2] *lesha.panov.85@list.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.05.2026; опубликовано online (published online): 01.06.2026.

Ключевые слова (keywords): диалектика правового бытия; правовое сотворчество; правовой импульс; притязание на правильность; философская антропология права; юридический конфликт; dialectics of legal being; legal co-creation; legal impulse; claim to correctness; philosophical anthropology of law; legal conflict.